

Состав местного населения в малых исторических городах будет меняться. Уже сейчас в них селятся люди, которые по роду своих занятий могут работать в режиме он-лайн. Именно они сохранят, возродят и омолодят такие городки, как Кулдига.

Ключевые слова: малый исторический город; изменение состава населения; работа он-лайн; сохранение; возрождение. /

The local population composition in small historic towns will change. Even now, people that can work online settle down in such towns. These very people will save, revitalize and bring new blood in such towns as Kuldīga.

Keywords: small historic town; change in the population composition; online job; preservation; revitalization.

Кулдига – город будущего /

текст

Александр Раппапорт

text

Alexander Rappaport

Кулдига – маленький город в Латвии, в области Курземе (бывшей Курляндии), и один из красивейших старых городов Прибалтики. В последние годы усилиями городских властей город начал масштабные работы по благоустройству, реставрации старинных деревянных построек, новому мощению дорог и тротуаров.

Город расположен в живописной долине реки Венты, которую пересекает широчайший, хоть и невысокий водопад, считающийся одним из достопримечательностей Латвии. Здесь некогда была спичечная фабрика, но она сгорела, и город для ведения своих реставрационных работ постоянно нуждается в помощи со стороны.

Власти возлагают надежды на туризм и с этой целью пытаются проводить в Кулдиге разного рода праздники и фестивали, выставки и летние школы. В последнее время появилась идея создать в Кулдиге музей деревянных дверей и архитектурной фотографии.

Попытки реставрировать старые деревянные постройки встречают все большее понимание местных жителей, но это дорогое удовольствие многим не по карману.

Не остаются в стороне и проблемы сохранения планировочной структуры и самого образа города, в котором начинают строиться новые современные здания, плохо вписывающиеся в исторический ландшафт.

Что же делать, и чем вызвано нынешнее желание сохранить деревянную Кулдигу XIX века? Не очередной ли это всплеск моды, который, как и всякая мода, уйдет в прошлое? Нынче восстановление старой архитектуры распространяется с отдельных выдающихся памятников зодчества – храмов, крепостей и пр. – на рядовую застройку, которая ветшает и не в силах сопротивляться напору нового строительства, особенно в больших городах, таких, как Москва, Казань или Иркутск. Есть, конечно, опасность превращения реставрационной работы в новый градостроительный китч, растекающийся по планете под ветром туристического бизнеса.

Нынешний энтузиазм охранного движения – движения по спасению исторического облика городов – по своему размаху напоминает столь же необоримое желание осовременить эти города стеклянными коробками или даже небоскребами, которые тоже все еще не вышли из моды. Стоит вспомнить битвы петербуржцев с Охта-центром.

Встает вопрос: как относятся к этим нововведениям и реставраторскому энтузиазму не власти, мечтающие придать городу рыночный вид и привлечь туристов, а сами жители города, так называемое «местное» население? И тут начинается невидимая на первый взгляд диалектика. Кто это местное население?

Те ли это одинокие старушки, внуки которых давно уехали в Ирландию и Норвегию и вряд ли намерены возвращаться по домам? Или это какие-то богатые чудаки, которым надоели мегаполисы и которые на старости лет не прочь пожить в городке, где до любого места можно дойти пешком или доехать в инвалидной коляске?

Мне в голову приходит мысль, что само это «местное население» будет меняться и едва ли подвергнется реставрации. Внуки старушек, если они и останутся в Кулдиге, будут уже не только колоть дрова и топить печи; они будут ежедневно по утрам окунаются в безбрежный океан интернета со своими iPads & iPhones. Город как символ эпохи, мечтающий обзавестись своим маленьким конструктивизмом или хайтеком, уже перестал быть для людей самым очевидным символом времени. На место чудаков и отшельников могут приехать люди, которые работают на других континентах, а жить хотят там, где еще слышен по утрам крик петуха.

Воздух города, делавший человека средних веков свободным от власти баронов, сегодня лишь засоряет легкие. Ритмы Большого города, подстегивавшие: «время – вперед!», сегодня становятся угрозой для психического здоровья миллионов. Все меняется.

Начинается новое переселение народов: алжирцев в Париж, турок в Германию, пакистанцев в Лондон, азербайджанцев в Москву, москвичей и лондонцев в Кулдигу.

Большим городом стала сегодня вся земля, а Большие города вымирают, как динозавры.

И уже не Хрустальный дворец Гайд-парка (1851) кажется нам образом «города будущего», а лишь сам Гайд-парк, или «город-сад», созданный неподалеку от Лондона по замыслу социолога-утописта Эбенизера Говарда. Но не тот «город-сад» который проектировал Ле Корбюзье, не тот, о котором мечтали воспетые Маяковским рабочие, лежа в холодных лужах под старыми телегами, не «Лучезарный город» или «Город солнца», а живой

Kuldiga, the City of the Future

небольшой, вечно молодой и вечно старый Гороховец, Марбург, Кулдига.

Новые племена начали растекаться по планете – ученые и художники, фотографы и поэты, генетики и философы. Русские, испанцы, китайцы, казахи, французы осваивают заново места своих далеких предков и возвращают молодость малым историческим городам не топотом сандалий празднующихся туристов, а свежим ветром идей и мыслей о будущем, которое нам еще никогда не снилось, и о человеке, который еще только просыпается в людях.

Небольшие старые города хороши не своим ярмарочным видом и даже не снобистским обликом Кембриджа

и Оксфорда, а незатейливой простотой обыденной жизни, которая обладает свойствами еще лучшими, чем красота – достоинством и уместностью.

Литература

Григорьева, Е. И. Доступная история // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 28–30

References

Grigoryeva, E. (2014). An Accessible Story. Project Baikal, 11(39-40), 28-30. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.696

